

Научная статья

УДК 341.48

DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.171-192

Межгосударственная унификация международных преступлений

Александр Петрович Евсеев

*Российский государственный университет правосудия
имени В. М. Лебедева, Москва, Российская Федерация
apevseyev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-3363-490X>*

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию проблемы межгосударственной унификации международных преступлений в различных регионах мира (Африке, Латинской Америке, странах СНГ). В ней делается попытка проследить, в какой мере национальные традиции и специфика уголовного законодательства способствуют (или препятствуют) юридически корректной имплементации положений Римского статута Международного уголовного суда во внутригосударственное право. Целью статьи является уяснение тех законодательных практик, которые считаются наиболее успешными в обозначенном направлении и могут быть приняты во внимание в процессе государственного строительства на постсоветском пространстве.

Методы. В ходе исследования использованы диалектический метод познания, позволивший изучить предмет исследования во взаимосвязи с другими правовыми явлениями, а также общенаучные и специально-юридические методы, главным образом сравнительно-правовой.

Результаты исследования. Констатируется, что сближение национальных законодательств с требованиями и стандартами международного уголовного права, с одной стороны, обогащает само законодательство, способствуя насыщению его качественными и прошедшими многолетнюю апробацию положениями, далекими от соображений политической конъюнктуры, а с другой – служит развитию самого международного уголовно-правового регулирования. Ведь участвующие в Римском статуте представители государств принимают участие в функционировании рабочих органов Международного уголовного суда, выборах его судей и прочих формах международного сотрудничества. Кроме того, делается вывод, что следствием имплементации норм международного уголовного права является не столько унификация национальных законодательств, ибо различия между ними даже в рамках какого-то одного региона остаются разительными, сколько унификация результатов правового регулирования соответствующих преступлений в направлении усиления борьбы с ними.

Обсуждение и заключение. В настоящее время Международный уголовный суд продолжает занимать позицию, недружественную по отношению к Российской

Федерации. Это выразилось, помимо прочего, в выдаче им ордеров на арест российских граждан вопреки тому, что наша страна прекратила с ним всяческое сотрудничество еще в 2016 г. Однако и по отношению к другим государствам он продолжает вести себя непоследовательно, результатом чего может стать выход Венгрии из Римского статута.

Ключевые слова: Римский статут, Международный уголовный суд, преступления по международному праву, международное уголовное право, унификация, инкорпорация

Для цитирования: Евсеев А. П. Межгосударственная унификация международных преступлений // Правосудие/Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 171–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.171-192.

Original article

Inter-State Unification of International Crimes

Alexander P. Evseyev

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,
Moscow, Russian Federation*

apevseyev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-3363-490X>

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of the problem of interstate unification of international crimes in various regions of the world (Africa, Latin America, CIS countries). It attempts to trace the extent to which national traditions and the specifics of criminal legislation contribute to (or hinder) the legally correct implementation of the provisions of the Rome Statute of the International Criminal Court in domestic law. The purpose of the article is to clarify those legislative practices that are considered the most successful in the designated direction and can be taken into account in the process of state building in the post-Soviet space.

Methods. The basis of the study is the dialectical method of cognition, which allows studying the subject of research in relation to other legal phenomena, as well as general scientific and special legal methods, mainly comparative legal.

Results. The article states that the convergence of national legislations with the requirements and standards of international criminal law, on the one hand, enriches the legislation itself, contributing to its saturation with high-quality and long-tested provisions, far from considerations of political expediency, and on the other hand, serves the development of international criminal law regulation itself, since representatives of the states parties to the Rome Statute take part in the functioning of the working bodies of the International Criminal Court, the election of its judges and other forms of international cooperation. In addition, it is concluded that the consequence of the implementation of the norms of international criminal law is not so much the unification of national legislations, since the differences between them even within a single region remain striking, as the unification of the results of legal regulation of the relevant crimes in the direction of strengthening the fight against them.

Discussion and Conclusion. At present, the International Criminal Court continues to take an unfriendly position towards the Russian Federation. This has been expressed,

among other things, in its issuance of arrest warrants for Russian citizens, despite the fact that our country ceased all cooperation with it back in 2016. However, it also continues to behave inconsistently towards other states, the consequence of which is the expected withdrawal of Hungary from the Rome Statute.

Keywords: Rome Statute, International Criminal Court, international crimes, international criminal law, unification, incorporation

For citation: Evseev, A. P. Inter-state unification of international crimes. *Pravosudie/Justice*. 2025;7(2):171-192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2025.2.171-192.

Источники унифицированного правового регулирования борьбы с международными преступлениями

Международные нормы, посредством которых осуществляется унификация юридического закрепления международных преступлений в различных государствах, в подавляющем большинстве находят отражение в уставах международных уголовных судов и трибуналов.

Центром нормативной деятельности по данным вопросам является Международный уголовный суд (далее – МУС), в Римском статуте которого, принятом в 1998 г., кодифицированы самые серьезные преступления (англ. *core crimes*, нем. *großverbrechen*) по международному праву: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступление агрессии (ст. 6–8 bis). По составу участвующих в его деятельности государств (125 в 2024 г., однако со 2 июня 2026 г. свое членство в МУС прекращает Венгрия) и по спектру охваченных им регионов мира Римский статут представляет собой наиболее универсальную из всех кодификаций, связанных с международным уголовным правом. На сегодняшний день МУС, действуя на основании Римского статута, ведет расследование 12 ситуаций и выдал 59 ордеров на арест¹.

Значительное количество международных преступлений содержится также в ряде документов, принятых задолго до Римского статута: Гаагских конвенциях о законах и обычаях сухопутной войны 1899 и 1907 гг., уставах Международных военных трибуналов (далее – МВТ) в Нюрнберге и Токио 1945 и 1946 гг. соответственно, Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. (далее – Конвенция о геноциде), четырех Женевских конвенциях о защите гражданского населения во время войны 1949 г. и двух дополнительных протоколах 1977 г., Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г., а также в уставах международных уголовных трибуналов *ad hoc* – по бывшей Югославии (1993) и по Руанде (1994).

В ряде документов, утвержденных региональными организациями, также предусмотрены международные нормы, содействующие процессу

¹ URL: <https://www.icc-cpi.int/sites/default/files/2024-12/TheCourtToday-Eng.pdf>.

унификации международных преступлений и практики привлечения к ответственности за их совершение. Так, в рамках Африканского Союза подписан Протокол Малабо 2014 г. (далее – Протокол), распространивший юрисдикцию Африканского суда по правам человека и народов на международные преступления.

Ряд статей, касающихся гармонизации подходов к наказанию за данного рода деяния, включены в Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, принятую Генассамблеей ООН 26 ноября 1968 г. и вступившую в силу 11 ноября 1970 г. Кроме того, в рамках Европейского союза в 2003 г. вступила в силу Европейская конвенция о неприменимости срока давности к преступлениям против человечности и военным преступлениям 1974 г., участниками которой являются Нидерланды, Франция и Бельгия.

Хотя большинство норм, содержащихся в перечисленных документах, являются материальными по своему характеру, имеются в них и отдельные процессуальные положения, исходящие из принципа *aut dedere, aut iudicare* (лат. «или выдай, или суди»), ориентирующие государства на выдачу виновных в страны их гражданской принадлежности или их самостоятельное осуждение в процедуре универсальной юрисдикции. Однако чаще данный вопрос решается на основании либо отдельных соглашений (в основном двусторонних, например между Испанией и Аргентиной), либо национального процессуального законодательства, требующего нередко для признания универсальной юрисдикции какой-либо «сouverennой привязки»².

Помимо этого, смешанный характер носят соглашения с МУС о сотрудничестве, которые заключаются государствами на основании ст. 87 Римского статута.

Модели инкорпорации международных преступлений

Процесс унификации национального уголовного законодательства в части международных преступлений, именуемый еще «одомашниванием» международного уголовного права [1, с. 5], может происходить в различных формах.

Первая представляет собой модель «полной инкорпорации», при которой либо национальное право отсылает непосредственно к положениям Римского статута, как, например, это имеет место в Новой Зеландии, где в законе делается оговорка, что «геноцидом признается деяние,

² Справедливо ради отметим, что в Германии, являющейся безусловным лидером по количеству разрешенных дел в процедуре универсальной юрисдикции, требование «сouverennой привязки» касается только преступления агрессии (если его субъектом является гражданин ФРГ или деяние направлено против ФРГ), тогда как для других международных преступлений никакой «сouverеннной привязки» виновного иностранца к территории ФРГ не требуется.

упомянутое в статье 6 Статута», либо путем дословного воспроизведения положений последнего в отдельном законе, как в Германии, принявшей в 2002 г. Кодекс международного уголовного права³ (далее – Кодекс 2002 г.). Если воспользоваться образным выражением Л. В. Головко, в данном случае речь идет «...не о национальной кодификации, а о чем-то похожем на договор присоединения, чьи условия обсуждению и самостоятельной выработке не подлежат» [2, с. 45]. Реже, как правило в странах общего права, Римский статут может рассматриваться как самоисполнимый международный договор, т. е. содержащий достаточно подробный перечень преступлений, их элементов, с исчерпывающей точностью указывающий на субъектов их совершения, а потому не требующий принятия дополнительных национальных актов для его реального исполнения. Так, в соответствии со ст. 232 Конституции ЮАР обычное международное право (включая обычные нормы международного уголовного права. – А. Е.) является правом в Республике, кроме случаев, когда оно не соответствует Конституции или Акту парламента⁴.

При *второй* модели государство воздерживается от инкорпорации положений Римского статута, отдавая предпочтение тем составам, которые уже содержатся в законодательстве. Так, Финляндия, ратифицировав Римский статут в 2000 г., вначале оставила без изменений соответствующую главу Уголовного кодекса (далее – УК) 1889 г., который до сих пор открывается словами «Мы, Александр III, милостью Божией...», и лишь после критических замечаний научных кругов и гражданского общества на протяжении 2005–2008 гг. осуществила фундаментальную реформу уголовного законодательства [1, с. 11, 12]. Или более близкий нам Таджикистан, ратифицировавший Римский статут в том же 2000 г., но так и не приведший свой УК в соответствие с ним. Как отмечается в литературе, такое воздержание от инкорпорации положений Римского статута может привести к тому, что государство-участник в силу пребывности своего законодательства может быть сочтено таким, которое «неспособно осуществлять уголовное преследование должным образом» в значении ст. 17 Статута, что влечет за собой рассмотрение дела непосредственно в Гааге, а не в суде такого государства⁵.

Наконец, *третью* моделью является так называемая «инкорпорация с изменениями», при которой государство-участник пытается максимально учесть положения Римского статута, однако в процессе инкорпорации может принять во внимание отличительные черты национального уголовного закона, в частности путем закрепления в УК преступлений,

³ Верле Г. Принципы международного уголовного права : учеб. Одесса : Фенікс ; М. : ТрансЛит, 2011. С. 162.

⁴ Конституции государств Африки и Океании : сб. Т. 3 / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : ИЗиСП, 2019. С. 986.

⁵ Верле Г. Указ. соч. С. 164.

отсутствующих в Римском статуте, либо добавления к преступлениям, заимствованным из Римского статута, квалифицирующих признаков, в нем не предусмотренных.

Ярчайшим примером этого может служить Украина, ратифицировавшая Статут последней по времени среди государств-участников, в августе 2024 г. Однако, опасаясь ответственности собственных военнослужащих за совершенные ими военные преступления, на основании ст. 124 она отсрочила действие соответствующих норм Римского статута на 7 лет после вступления Статута в силу для нее.

Вместе с тем она ратифицировала поправку к Статуту (ст. 8 bis), предусматривающую ответственность за преступление агрессии. Исходя из ее буквального толкования, агрессия является типичным «лидерским преступлением» (англ. *leadership crime*), т. е. таким, которое может быть совершено исключительно лицом, «...которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства»⁶. Однако приведенная формулировка настойчиво «подправляется» украинским законодателем (ст. 437 УК Украины) и судами, которые трактуют преступление агрессии максимально широко, относя к субъектам последнего не только лиц, прямо поименованных в ст. 8 bis, но и иных, которые могут «...существенно влиять на политические, военные, экономические, финансовые, информационные и другие процессы в собственном государстве или за его пределами, и/или руководить конкретными направлениями политических или военных действий»⁷.

Несмотря на декларируемый приоритет международного права, судебная практика определенно отдает предпочтение нормам национального уголовного закона.

Например, по ст. 437 УК Украины были привлечены к уголовной ответственности российские военнослужащие сержант А. Александров и капитан В. Ерофеев, равно далекие и от фактического контроля за Вооруженными Силами, и от возможности существенно влиять на перечисленные выше процессы в России (подробнее см.: [3]).

Таким образом, отношение к Римскому статуту как самоисполнимому международному договору, что имеет место в странах общего права, представляется наиболее предпочтительным, так как его следствие – применение в различных государствах фактически одних и тех же норм (во всяком случае, материальных). Однако даже использование самоисполнимого договора не дает полной гарантии действительной унификации правового регулирования борьбы с международными преступлениями.

⁶ URL: https://asp.icc-cpi.int/sites/asp/files/asp_docs/Resolutions/RC-Res.6-RUS.pdf.

⁷ URL: <https://zakononline.com.ua/court-decisions/show/117555176>.

ми на национальном уровне хотя бы по той причине, что в самом Статуте названные преступления не снабжены санкциями за их совершение, которые, в свою очередь, будут установлены во внутригосударственном законодательстве каждого государства-участника исходя из особенностей карательной политики, исторических традиций, отношения к смертной казни и т. д. В результате специфики политических условий, судебной практики, прочие национальные факторы, осложняя процесс имплементации международного уголовного права, могут приводить подчас к противоположным результатам в различных регионах мира, скажем, в Европе и Латинской Америке. В последнем случае широкое распространение получил подход, суть которого может быть передана формулой «покупка правды в обмен на правосудие» (англ. *trade justice for truth*), при котором лицо, давая показания перед гибридным (интернационализированным) судом, как бы «покупает» себе если не полное прощение, которое, как правило, не допускается за международные преступления, то, по крайней мере, существенное смягчение наказания [4, с. 198].

Еще меньше шансов достичь единобразия в случае приведения в действие национального уголовного законодательства. Как показано выше, принятие нового законодательства (либо модификация существующего) в подобных случаях служит непременным условием добросовестного исполнения обязательств, вытекающих из участия в Римском статуте. Однако вряд ли можно назвать такое законодательство подлинно унифицированным, если только речь не идет о дословном воспроизведении положений Статута в уголовном законе. Но даже в тех странах, где подобное заимствование имеет место, все отчетливее раздаются голоса о необходимости дальнейшего реформирования законодательства в соответствии с требованиями времени.

Реформирование уголовного законодательства под влиянием новейшей практики МУС

Поясним нашу мысль на примере Германии. В июле 2023 г. федеральное министерство юстиции презентовало законопроект «О дальнейшем развитии международного уголовного права», в соответствии с которым Кодекс 2002 г. предлагается дополнить положениями о сексуальном насилии, принудительной беременности и насильственных исчезновениях как преступлениях против человечности, расширить ряд положений Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) с целью большей процессуальной защиты жертв международных преступлений, а также отказаться от функционального иммунитета (иммунитета *ratione materiae*) иностранных должностных лиц в случае совершения ими преступлений по международному праву⁸.

⁸ URL: https://www.bmj.de/SharedDocs/Downloads/DE/Gesetzgebung/RegE/RegE_Voelkerstrafrecht.pdf?__blob=publicationFile&v=2.

Последний тезис уже получил признание в практике немецких судов.

Так, Федеральный верховный суд в Карлсруэ в решении от 28 января 2021 г. отказал в признании функционального иммунитета лейтенанта Афганской национальной армии, который прилетел в Германию в 2015 г. под видом беженца. Немецкая прокуратура на основании имеющихся данных обвинила его в применении пыток по отношению к пленным боевикам «Талибана» (организация запрещена в России), что представляет собой военное преступление, предусмотренное в § 8(1)(3) Кодекса 2002 г. («кто жестоко или бесчеловечно обращается с лицом, охраняемым согласно международному гуманитарному праву...»). Защита строила свои доводы на том, что подсудимый действовал соответствующим образом не в личном качестве, а как «агент государства», а потому не должен нести ответственность за действия, которые, по сути дела, должны быть вменены государству. По итогам слушаний суд пришел к выводу, что должностные лица иностранных государств не обладают функциональным иммунитетом от уголовного преследования в немецких судах, если они совершили международные преступления⁹.

Одним из важнейших побудительных мотивов инициирования этой реформы было и остается стремление создать для международных преступников такие условия, при которых у них не осталось бы безопасных мест на земле (англ. *no safe haven*) [5, р. 786].

Интересно сравнить в связи с этим положение вещей, которое отделено от дня сегодняшнего более чем столетней дистанцией.

В 1921 году немецкая пресса писала о «маленькой театральной комедии» (нем. *eine kleine bühnekomödie*) [6, с. 71], которую немцы вынуждены разыгрывать в угоду победителям, имея в виду так называемые «лайпцигские процессы» над некоторыми младшими командирами кайзеровской армии и капитанами подводных лодок (Дитмаром и Вольдтом), приговоренными в конечном итоге к символическому наказанию. Тем не менее уже тогда в первом своем приговоре, вынесенном в отношении сержанта Гейнена, суд подчеркнул: «Обвиняемый не только подрывал репутацию армии, которой немецкий народ гордился в высокой мере; его поведение заключало в себе опасность для репутации немецкого народа, так как он, сознавая себя культурным народом первого ранга, отказывается от такого рода грубостей и жестокостей» [6, с. 70].

Несмотря на значительный исторический период, разделяющий указанные акты правосудия, для обоих характерно осознание некоей культурной миссии, выполняемой посредством имплементации положений международного уголовного права в национальное законодательство и судебную практику. Неслучайно некоторые авторы даже пишут о «немецком международном уголовном праве» [7]. Такое рвение в деле «одомашнивания» международного уголовного права тесно переплетается с доминантно-правовой задачей преодоления системной безнаказанно-

⁹ URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Geric...>

сти, царящей в современном мире, которая, как сказано в преамбуле Римского статута, «глубоко потрясает совесть человечества»¹⁰.

Не менее бурные процессы протекают в Италии. В этой стране дело осложняется тем, что по сей день продолжают действовать УК 1930 г. и Военный УК 1941 г., причем последний до 2002 г. применялся только в случае официального объявления войны Италии. Лишь принятие в том же году немецкого Кодекса подтолкнуло итальянского законодателя распространить положения Военного УК на преступления, совершаемые в ходе любого вооруженного конфликта, в который вовлечена Италия [8, р. 749]. Характерно также, что Италия 59 лет применяла УПК 1930 г. (Кодекс Рокко), в том числе после падения режима Муссолини, пока не заменила его на УПК 1988 г., считающийся в итальянской уголовно-процессуальной науке не просто новым, а новейшим [2, с. 43].

Что же касается преступлений против человечности, то в качестве самостоятельного института уголовного права в обоих кодексах они не выделяются. Итальянский УК лишь закрепляет отдельные деяния, которые могут быть признаны таковыми, причем делает это в тех же статьях и тех же формулировках, что и при дуче: убийство (ст. 575), обращение в рабство, доставление рабов для торговли и торговля ими, отчуждение и приобретение рабов (ст. 600–602), незаконное лишение свободы, незаконный арест, неправомерное ограничение личной свободы (ст. 605–607) и т. п. Однако в Кодексе отсутствует контекстуальный элемент, необходимый для квалификации данных деяний как преступлений против человечности, а именно: совершение любого из них «...в рамках широкомасштабного или системного нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно» (ст. 7 Римского статута).

Кроме того, между Италией и МУС до сих пор не заключено соглашение о сотрудничестве, хотя эта страна принимала у себя Римскую дипломатическую конференцию 15 июня – 17 июля 1998 г., давшую имя Статуту, и стала четвертой по счету страной, ратифицировавшей его.

Особого внимания заслуживает то обстоятельство, что, ратифицировав Конвенцию о геноциде в 1967 г., Италия внесла поправку в Конституцию, в соответствии с которой не допускается выдача иностранцев или даже собственных граждан за политические преступления (ст. 10), если только они не обвиняются в совершении геноцида.

Учитывая столь противоречивую ситуацию, в марте 2022 г. правительство М. Драги учредило комиссию экспертов во главе с тогдашним министром юстиции М. Картабиа, которая в знак верности исторической традиции была названа по имени ее председателя («комиссия Картабиа»). И уже к маю того же года был подготовлен проект поправок в УК. Однако последовавшая вскоре отставка правительства помешала этим планам.

¹⁰ URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute_\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute_(r).pdf).

В начале 2023 г. уже новое правительство, возглавляемое Дж. Мелони, чей образ привнес в мировой дипломатический лексикон шутливый термин «мелонирование», означающий резкий переход от правопопулистской риторики к умеренной политкорректности [9, с. 29], создало рабочую группу под руководством министра юстиции К. Нордио, призванного доработать проект «комиссии Картабиа». В результате в марте 2023 г. правительство внесло в парламент проект Кодекса международных преступлений (итал. *Codice dei crimini internazionali*), однако в последний момент исключило из него преступления против человечности, сославшись на необходимость более глубокой проработки [8, р. 754].

Сближение уголовного законодательства в отдельных регионах мира и международное уголовное право

Результаты сближения национальных уголовных законодательств вследствие имплементации положений Римского статута зависят также от географической зоны нахождения того или иного государства. С этой точки зрения стандарты, заложенные в международном праве, можно разделить на две группы: универсальные, т. е. предназначенные для применения во всех государствах, присоединившихся к Римскому статуту, и региональные, т. е. рассчитанные на применение в отдельных группах государств и содержащиеся в актах, принятых региональными организациями.

В первые десятилетия существования международного уголовного права региональный подход подчас перерастал в дискриминационный. Сближая законодательство отсталых в социальном отношении, а также колониальных и зависимых стран на более низкой общей основе, чем в метрополиях, нормы международного уголовного права фактически способствовали безнаказанности представителей «глобального Севера», совершивших преступления в отношении жителей «глобального Юга». Неслучайно в 1991 г. в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, подготовленный Комиссией международного права ООН, предлагалось включить «колониальное доминирование и иные формы иностранного доминирования»¹¹. В этой связи упоминались подавление британцами восстания May-May в Кении, геноцид племен гереро и нама войсками Вильгельма II в Намибии, похищение детей-метисов в Бельгийском Конго, наконец, убийство в том же Конго первого демократически избранного премьер-министра П. Лумумбы и т. д. Подобного рода действия в современном неолиберальном дискурсе принято рассматривать как преступления против человечности *sui generis* [10, р. 797, 798]. Той же точки зрения придерживается и Европейский парламент, призвавший институты ЕС и государства-члены в резолюции от

¹¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_offences.shtml.

26 ноября 2019 г. об основных правах лиц африканского происхождения в Европе признать такие деяния, совершенные европейскими колонизаторами, преступлениями по международному праву [11, с. 200].

Справедливости ради отметим, что за последние годы в бывших метрополиях (странах Северной Америки, Великобритании, Нидерландах, Франции) наметилось стремление приспособить существующие нормы международного уголовного права к тем событиям, которые имели место задолго до их появления на свет. В этой связи много говорится о «вневременном» характере совершенных колонизаторами злодеяний [10, р. 800]. Например, инициированное премьер-министром Канады Ж. Трюдо «Национальное расследование пропавших без вести и убитых женщин и девочек из числа коренных народов» в докладе 2019 г. пришло к выводу об имевшем место в обращении с «первыми нациями» геноциде по типу Холокоста, а многие правозащитники этой страны, полагая, что колониализм – это «структура, а не событие» [12, р. 165], считают необходимым каким-то образом активировать юрисдикцию МУС в отношении колониального прошлого вопреки тому, что под нее подпадают лишь те деяния, которые были совершены после вступления Римского статута в силу, т. е. после 1 июля 2002 г. Иное, как отмечает Н. В. Варламова, по мнению потомков аборигенов, может квалифицироваться как установление определенной «иерархии жертв» и сохранение расистских стереотипов [11, с. 199].

Между тем степень сближения регионального уголовного законодательства с международным уголовным правом определяется все же не морально-этическими соображениями, а исключительно юридическими доводами. Для документов, принимаемых в рамках региональных организаций, типичен, как правило, императивный характер возлагаемых ими на государства обязанностей, в том числе и в отношении международного права, что исключает возможность значительного отклонения от содержания таких норм при адаптации к ним национального права, позволяя лишь постепенно развивать уже существующие подходы.

Так, упомянутый выше Протокол (Малабо – столица Экваториальной Гвинеи), который по состоянию на 2024 г. ратифицировала лишь Ангола (осталось еще 14 ратификаций государствами – членами Африканского Союза), идет много дальше Римского статута. Например, к ставшему классическим определению геноцида он добавляет еще одно деяние – «акты изнасилований или любые другие формы сексуального насилия» (ст. 28B(f)), что обусловлено повсеместным распространением этого несчастья в районе Великих озер¹². Статья 28D Протокола, устанавливая

¹² Добавим к сказанному, что в данном отношении страны Африканского Союза не одиноки. Даже в таких, казалось бы, далеких от «колыбели цивилизации», койя является Африка, странах, как Беларусь и Грузия, указанное понятие также расширено по сравнению с Конвенцией о геноциде за счет включения, по-

перечень военных преступлений, добавляет к уже существующим в Римском статуте 53 составам еще 14, в том числе атаки на источники повышенной опасности (включая электростанции, дамбы и т. д.), использование оружия массового поражения, вербовку детей, не достигших 18-летнего возраста, в ряды вооруженных сил или непосредственное использование их в боевых действиях (здесь Протокол, напротив, заметно сузил установленный в международном праве стандарт, согласно которому данное преступление образует вербовка не только в правительственные войска, но и в повстанческие группировки) и др. Также Протокол распространил ряд составов, ранее фигурировавших в контексте международных вооруженных конфликтов, на немеждународные и наоборот¹³.

В отношении преступления агрессии (ст. 28М) Протокол предполагает в качестве необходимого шага для квалификации установление акта агрессии, образующего грубое нарушение Устава ООН или Учредительного договора Африканского Союза, предпринятого в отношении территориальной неприкосновенности и безопасности населения государства – члена Африканского Союза. Как следствие, установления грубого нарушения Устава Советом Безопасности ООН может не потребоваться – достаточно позиции Африканского Союза.

Очевидно, что при ратификации подобного регионального документа государства-участники брали бы на себя достаточно жесткие обязательства по «африканизации» международного уголовного права, во многом опережающие даже те, что вытекают из Римского статута. Однако в единственной ратификации Протокола чувствуется стремление африканских государств уклониться от подобных обязательств, параллельно приспособливая международные нормы к национальному праву.

Опыт унификации международных преступлений в странах Латинской Америки

Одним из мощных факторов воздействия международного уголовного права на сближение законодательств стран иберийской группы является Американская конвенция о правах человека 1969 г., которая если и не криминализировала те или иные деяния (все же это удел национального законодательства или Римского статута), то, по крайней мере, обозначила основные подходы, которых следует придерживаться при расследовании и наказании за подобного рода деяния. Так, в делах Гельман

мимо основных демографических групп, также «групп, определяемых на основе любого другого произвольного критерия» (ст. 127 УК Беларуси), или «объединенных по какому-либо иному признаку» (ст. 407 УК Грузии).

¹³ Ambos K. Genocide (article 28B), crimes against humanity (article 28C), war crimes (article 28D) and the crime of aggression (article 28M) // The African criminal court: a commentary on the Malabo Protocol / eds. G. Werle, M. Vormbaum. Berlin : Asser Press, Springer, 2017. P. 42–49.

против Уругвая и Гомес-Лунд и другие против Бразилии Межамериканский суд по правам человека (далее – МАСПЧ), действующий на основании указанной Конвенции, высказался против амнистии за международные преступления (см.: [13, с. 84]). Немало было сделано МАСПЧ и для конституирования насильственных исчезновений в качестве отдельного преступления по международному и национальному праву.

Анализ законодательства латиноамериканских стран показывает: безоговорочным лидером в деле сотрудничества с органами международного уголовного правосудия является Колумбия. Она делает это настолько успешно, что в октябре 2021 г. Прокурор МУС К. Хан прекратил предварительное изучение ситуации в этой стране, фактически уступив юрисдикцию Специальным судебным палатам «Правосудие ради мира» (исп. *Juridicción Especial para la Paz*), где в качестве своеобразных *amicus curiae* заседают иностранные судьи (см.: [13, с. 93–97]). Более того, в этой стране, подобно Франции с ее «конституционным блоком», куда входят, как известно, Конституция 1958 г., преамбула к Конституции Четвертой Республики 1946 г. и Декларация прав человека и гражданина 1789 г., сконструирован такой же «конституционный блок» (исп. *bloque de constitucionalidad*), охватывающий не только Конституцию 1991 г., но и *inter alia* международные договоры, упомянутые в ст. 93 названной Конституции¹⁴.

В свою очередь, к обладающим верховенством над положениями внутреннего законодательства относятся «ratифицированные Конгрессом международные договоры и соглашения, которые признают права человека и запрещают их ограничение в случае введения чрезвычайного положения»¹⁵. Важно, что в той же статье установлено: «Если Римский статут предусматривает регулирование существенных вопросов на основе иных правовых положений, чем те, которые содержатся в Конституции, указанное регулирование распространяется только на сферу действия Статута»¹⁶. Иными словами, если Римский статут предусматривает нормы, идущие вразрез с Конституцией Колумбии (например, в части выдачи или экстрадиции собственных граждан), то такого рода исключения возможны только для нужд Римского статута, а не как общее правило в отношениях с иными участниками международного общения. Неслучайно при подготовке конституционной реформы, вызванной заключением Картахенского мирного соглашения 2016 г. с боевиками FARC, в

¹⁴ Ambos K., Cote Barco G. E. International (criminal) law as applicable law in the Special Jurisdiction for Peace: *bloque de constitucionalidad* and the principle of legality // Gottingen handbook on Latin America. Public law and criminal justice. G. : University of Gottingen, 2023. Р. 114.

¹⁵ Конституции государств Америки : в 3 т. Т. 3 : Южная Америка / под ред. Т. Я. Хабриевой. М. : ИЗиСП, 2006. С. 571.

¹⁶ Там же.

Конгрессе раздавались голоса о необходимости инкорпорации Римского статута непосредственно в «тело» Конституции¹⁷. Как бы там ни было, Колумбия на сегодняшний день едва ли не единственная страна Южной Америки, за исключением Аргентины, где судьи ежедневно применяют положения международного уголовного права, имплементированные с глубокой тщательностью в национальное законодательство.

В целом в отношении латиноамериканских стран, ратифицировавших Римский статут, картина выглядит следующим образом: в Аргентине, Чили, Коста-Рике, Панаме и Уругвае соответствующая имплементация положений Римского статута была осуществлена вскоре после присоединения к нему. В Колумбии частичная кодификация военных преступлений и грубых нарушений международного гуманитарного права (далее – МГП) была проведена еще раньше. Боливия, Бразилия, Доминикана, Эквадор, Парагвай и Перу годами обсуждали соответствующие изменения в законодательство, а Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Мексика и Венесуэла до недавнего времени вообще не предпринимали никаких усилий в обозначенном направлении (и по сей день в Венесуэле, оказавшейся в центре внимания Прокурора МУС и раздираемой двоевластием и экономическим кризисом, имплементация подобных норм выглядит нереалистичной) [14, с. 466]. Любопытно, что Куба, не участвующая в Римском статуте, в ходе широкомасштабной реформы 2019 г. на конституционном уровне признала агрессивную войну международным преступлением (ст. 16) и имплементировала норму Договора Тлателолко о создании безядерной зоны в Южной Америке¹⁸.

Обращают на себя внимание названия соответствующих разделов национальных УК, предусматривающих ответственность за международные преступления: «преступления, влияющие на международные отношения Нации» – в Аргентине, «преступления против международного права» – в Венесуэле, Мексике и Боливии, «преступления международного значения» – в Гватемале и Доминикане, «преступления против лиц и собственности, защищаемых МГП» – в Колумбии, «преступления против человечности» – в Панаме и Парагвае, «серьезные нарушения прав человека и преступления против МГП» – в Эквадоре. В Уругвае и Чили соответствующие нормы в УК отсутствуют, а уголовная ответственность за их нарушение устанавливается специальными нормативными актами (здесь и далее обзор латиноамериканского законодательства дается по: [15]).

В законодательстве ряда стран Латинской Америки имеются сходные формулировки международных преступлений, особенно в отношении геноцида. А вот в отношении преступления агрессии их пугающе мало:

¹⁷ Ambos K., Cote Barco G. E. Op. cit. P. 115, 116.

¹⁸ URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Cuba_2019.

фактически только УК Эквадора и Гондураса, пережившего «Футбольную войну» 1969 г., предусматривают данное преступление. При этом эквадорское законодательство отталкивается от формулировки Устава МВТ в Нюрнберге, и лишь УК Гондураса отсылает к Римскому статуту [15, с. 13]. Отчасти это связано с тем, что в иберийской уголовной традиции под понятием «агрессия» понимается не вооруженное нападение одного государства на другое, а так называемая «агрессия против людей», т. е. физическая агрессия человека в отношении другого человека, нередко с помощью собаки или другого животного. Не будем также забывать, что в Латинской Америке многие государства имеют территориальные претензии друг к другу [16], а потому они не заинтересованы в том, чтобы периодически предпринимаемые, но чаще всего безуспешные попытки «отбить» какие-то спорные территории силой (последний пример тому – венесуэльско-гайанский кризис 2023 г.) воспринимались бы как тягчайшие преступления по международному праву и нормам собственных УК.

Более благоприятная картина, как отмечалось выше, складывается с криминализацией геноцида. Нормы о его запрете в некоторых государствах содержатся непосредственно в конституции (Боливия, Парагвай, Эквадор). В Чили и Уругвае соответствующий запрет содержится в специальных законах, кодифицировавших международные преступления после присоединения этих стран к Римскому статуту, а в Бразилии – в Акте о геноциде, принятом еще в 1956 г. В остальных государствах квалифицирующие признаки этого «преступления преступлений» с небольшими вариациями содержатся в национальных УК. Причем в Панаме, а равно Колумбии, Коста-Рике и Эквадоре к защищаемым группам относятся также группы, сложившиеся по политическим убеждениям.

Несколько более проблемной остается ситуация с криминализацией преступлений против человечности. В южноамериканских государствах только УК Перу и Эквадора, а также законодательство Чили и Уругвая содержат сходные формулировки, максимально полно учитывающие положения Римского статута. В остальных странах, несмотря на ратификацию ими Статута, нормативные акты, содержащие преступления против человечности, отличаются «местным колоритом». Например, в Коста-Рике в качестве такового рассматривается дискриминация, в Перу – клонирование человека и т. д. Неслучайно ученые говорят о феномене «неокриминальных деяний», т. е. таких, которые *stricto sensu* не признаются международными преступлениями, однако в целом осуждаются международным сообществом в ряде актов [17, с. 177]. В Российской Федерации примером такого неокриминального деяния может служить реабилитация нацизма, предусмотренная в ст. 354.1 УК РФ и размещенная в соответствующей главе о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Наконец, в отношении военных преступлений в Латинской Америке также отсутствует унифицированный подход. В большинстве стран –

дань континентальной традиции! – соответствующие составы предусмотрены в военных УК. В частности, это имеет место в Аргентине, Боливии, Бразилии, Венесуэле (в весьма скромном объеме), Гондурасе, Коста-Рике, Колумбии, Парагвае, Перу, Чили, Уругвае и Эквадоре. Однако здесь видны существенные различия. Например, если ст. 8(b)(iv) Римского статута устанавливает ответственность за отказ в предоставлении гарантий справедливого правосудия, то в Эквадоре в качестве военного преступления рассматривается любая отмена конституционных гарантий или юридических действий покровительствуемых лиц на оккупированной территории. А в Уругвае военным преступлением признается умышленное игнорирование «взрывоопасных пережитков войны» вопреки предотвращению проникновения гражданского населения на заминированные территории. Военно-уголовное законодательство Сальвадора и Панамы содержит нормы о «праве военной добычи» и «призовом праве», регулирующие раздел награбленного имущества солдатами в духе XVIII в. В частности, криминализируется раздел военной добычи, когда она еще не объявлена таковой (по сути, речь идет о банальном мародерстве), тогда как подход Римского статута исходит из более модернового понятия разграбления для частного или личного пользования (ст. 8(2)(b)(xvi) и 8(2)(e)(v)). Имеющийся перечень расхождений между нормами международного уголовного права и национальными УК без особого труда может быть многократно умножен.

Римский статут и страны СНГ

К сожалению, объем настоящего исследования не позволяет столь же детально остановиться на имплементации международных преступлений в других регионах мира, в частности странах СНГ. Отметим только, что четыре государства (Казахстан, Россия, Таджикистан и Туркменистан), из которых лишь одно – Таджикистан – ратифицировало Римский статут, не предусматривают в своем законодательстве преступления против человечности в чистом виде (в УК РФ есть «каучуковая» ст. 356 «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», которая лишь отчасти покрывает собой данные преступления). Еще две страны – Украина и Узбекистан, одна из которых совсем недавно ратифицировала Римский статут (Украина), вот уже много лет находятся на стадии разработки соответствующего законодательства, частично ввели в свои УК некоторые международные преступления, например преступления против человечности (ст. 442-1 УК Украины), однако полноценной кодификации в духе Римского статута пока не осуществили. Наконец, девять государств (Армения, Беларусь, Азербайджан, страны Балтии, Грузия, Киргизия и Молдова), шесть из которых ратифицировали Римский статут (Армения, Грузия, Молдова, страны Балтии), предусмотрели в УК международные преступления, включая преступления против человечности, в качестве отдельных составов (подсчитано по: [18]).

Примечательно, что помимо различий в материально-правовом закреплении тех или иных преступлений в странах СНГ наблюдаются существенные различия в процессуальных особенностях борьбы с ними. Так, в Беларуси предусмотрено осуждение *post mortem* (ст. 468-14 УПК) – случай, абсолютно немыслимый для других стран СНГ, где виновный считается искушившим уголовно-правовой упрек со стороны государства в момент своей смерти. Результатом этой новеллы стало проведение, по сути дела, заочных разбирательств в отношении умерших нацистов и их пособников из числа местного населения¹⁹. Более того, 5 января 2022 г. был принят Закон «О геноциде белорусского народа»²⁰, который признал массовые преступления в отношении белорусского народа, совершенные на протяжении 1941–1951 гг., именно геноцидом (хотя сам термин появился в международном праве лишь в 1948 г.).

Применительно к странам СНГ бросается в глаза одна характерная особенность: на национальное уголовное законодательство может оказывать влияние не столько Римский статут *per se*, диктующий элементы и номенклатуру международных преступлений, сколько внутригосударственное право той страны, которая служит для первой сравнительно-правовым ориентиром. Поясним сказанное конкретным примером.

При подготовке первого УК независимой Молдовы 2002 г. законодатель ориентировался не на нормы Модельного УК для стран СНГ, принятого Межпарламентской ассамблеей государств-участников 17 февраля 1996 г., а на УК Румынии 1968 г. (с последующими изменениями и дополнениями). Но когда в 2010 г. Молдова ратифицировала Римский статут, а тремя годами позже привела свое законодательство в соответствие с ним, то здесь «источником вдохновения» выступил уже немецкий Кодекс 2002 г. [20, р. 20].

Обсуждение и заключение

Итак, сближение национальных уголовных законодательств вследствие должного исполнения государствами обязательств по международному уголовному праву, вытекающих из участия в Римском статуте, имеет следующие особенности.

1. Хотя такое сближение и не является официальной целью присоединения к МУС, объективно оно служит средством достижения этой цели, т. е. обозначенной в Римском статуте цели обеспечения действенного преследования самых серьезных преступлений, вызывающих озабоченность международного сообщества, как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и с помощью активизации международного со-

¹⁹ Например, дело В. Катрюка, умершего в Канаде в 2015 г., было рассмотрено Верховным Судом в 2024 г., по итогам которого подсудимый был признан виновным в геноциде белорусского народа [19, с. 180].

²⁰ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200146>.

трудничества. В то же время сближение законодательств государств – участников Римского статута стимулирует их деятельность по развитию собственно международного уголовного права посредством работы в Ассамблее государств-участников, предложений поправок к Римскому статуту, выбора судей МУС и т. д.

2. Возможности сближения ограничены особенностями самих международных норм, поскольку наряду с универсальными документами (наподобие Римского статута) среди них имеется большое число норм, различающихся не только по кругу лиц, охватываемых защитой, но и по географической сфере распространения (например, Протокол Малабо рассчитан исключительно на государства – члены Африканского Союза). Кроме того, нельзя утверждать, что положения Римского статута носят самоисполнимый характер, поскольку для ихной имплементации на внутригосударственном уровне непременно требуется модернизация национального законодательства и, самое главное, установление мер наказания за совершение преступлений, предусмотренных в нем.

3. Такая модификация, в свою очередь, обусловлена национальными факторами: особенностями законодательства об исполнении международных договоров, спецификой уголовного права, судебной практики и т. д.

В результате воздействия всех указанных выше факторов степень и формы сближения национального законодательства в ходе имплементации положений Римского статута могут быть весьма различными. Это позволяет говорить о том, что следствием имплементации норм международного уголовного права, принимаемых в рамках МУС, является не столько унификация национальных законодательств, сколько унификация результатов правового регулирования соответствующих преступлений в направлении усиления борьбы с ними.

Список источников

1. Богуш Г. И., Есаков Г. А., Русинова В. Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство. М. : Проспект, 2017. 176 с. ISBN: 978-5-392-25346-3.
2. Головко Л. Вторая волна постсоветских уголовно-процессуальных кодификаций: первые итоги // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2019. № 3. С. 42–53.
3. Sayapin S. A curious aggression trial in Ukraine // Journal of International Criminal Justice. 2018. Vol. 16, issue 5. P. 1093–1104. DOI: 10.1093/jicj/mqy050.
4. Эппле Н. Неудобное прошлое. М. : НАО, 2020. 576 с. ISBN: 978-5-4448-2565-5.

5. Jesberger F. A short history of prosecuting crimes under international law in Germany // *Journal of International Criminal Justice*. 2023. Vol. 21, issue 4. P. 779–792. DOI: 10.1093/jicj/mqad039.
6. Полянский Н. Исторические прецеденты привлечения к ответственности преступников войны // *Исторический журнал*. 1943. № 1. С. 68–71.
7. Bock S. The German Code of crimes against international law at twenty // *Journal of International Criminal Justice*. 2023. Vol. 21, issue 4. P. 793–813. DOI: 10.1093/jicj/mqad041.
8. Mancini M. Italy and international criminal justice: mapping the present and charting the path ahead // *International Criminal Law Review*. 2024. № 24. P. 745–758.
9. Румянцев А. Политические идеологии и их реализация на фоне геополитического конфликта: анализ понятия «либеральный конституционализм» // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2024. № 4. С. 4–39. DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-4-39.
10. Stahn C. Confronting colonial amnesia // *Journal of International Criminal Justice*. 2020. Vol. 18, issue 4. P. 793–824. DOI: 10.1093/jicj/mqaa052.
11. Варламова Н. В. Политика памяти в ЕС: осмысление колониального прошлого // *Государство и право*. 2024. № 10. С. 193–205. DOI: 10.31857/S1026945224100178.
12. Hodgson N. Resisting the state crimes of the global North // *Journal of International Criminal Justice*. 2024. Vol. 22, issue 1. P. 151–168. DOI: 10.1093/jicj/mqae010.
13. Евсеев А. Переходное правосудие в Колумбии: нереализованный потенциал // *Международное правосудие*. 2020. № 4. С. 77–99. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-77-99.
14. Herencia Carrasco S. Implementation of war crimes in Latin America: an assessment of the impact of the Rome Statute of the International Criminal Court // *International Criminal Law Review*. 2010. № 10. P. 461–473. DOI: 10.1163/157181210X518929.
15. Опалич Е. Ответственность за международные преступления по законодательству стран Латинской Америки. М. : Автор, 2024. 263 с. ISBN: 9785046078015.
16. Добронравин Н. А., Добронравина С. Н. Право и справедливость в Карибском море: проблема морских границ // *Латинская Америка*. 2016. № 4. С. 68–82.
17. Коробеев А. И., Лобач Д. В. Преступления против мира и безопасности человечества в уголовном законодательстве государств на постсоветском пространстве // *Всероссийский криминологический*

- ский журнал. 2024. Т. 18, № 2. С. 170–180. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).170-180.
18. Sayapin S. Why a crimes against humanity convention from a perspective of post-Soviet states? // African Journal of International Criminal Justice. 2020. Vol. 6, issue 2. P. 125–135. DOI: 10.5553/AJ/2352068X2020006002004.
 19. Каменецкий Ю. Ф. Сущность и значение осуждения умерших нацистов за преступления без сроков давности // Государство и право. 2024. № 3. С. 176–184. DOI: 10.31857/S1026945224030176.
 20. Задоя К. Криміналізація воєнних злочинів у національних правових системах: досвід Молдови як урок для України // Evropsky politicky a pravni diskurz. 2018. Vol. 5, issue 2. P. 14–24.

References

1. Bogush, G. I., Esakov, G. A., Rusinova, V. N. *[International crimes: a model of implementation in Russian criminal legislation]*. Moscow: Prospekt; 2017. 176 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-25346-3.
2. Golovko, L. [The second wave of post-Soviet criminal procedure codifications: first results]. *Bulletin of Yerevan University. Jurisprudence*. 2019;(3):42-53. (In Russ.)
3. Sayapin, S. A curious aggression trial in Ukraine. *Journal of International Criminal Justice*. 2018;16(5):1093-1104. DOI: 10.1093/jicj/mqy050.
4. Epple, N. *[An inconvenient past]*. Moscow: NLO; 2020. 576 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4448-2565-5.
5. Jesberger, F. A short history of prosecuting crimes under international law in Germany. *Journal of International Criminal Justice*. 2023;21(4):779-792. DOI:10.1093/jicj/mqad039.
6. Polyansky, N. [Historical precedents for bringing war criminals to justice]. *Istoricheskij journal = [Historical Journal]*. 1943;(1):68-71. (In Russ.)
7. Bock, S. The German code of crimes against international law at twenty. *Journal of International Criminal Justice*. 2023;21(4):793-813. DOI: 10.1093/jicj/mqad041.
8. Mancini, M. Italy and international criminal justice: mapping the present and charting the path ahead. *International Criminal Law Review*. 2024;(24):745-758.
9. Rumyantsev, A. Political ideologies and their realization framed by a geopolitical conflict: an analysis of “liberal constitutionalism”. *Comparative Constitutional Review*. 2024;(4):4-39. (In Russ.) DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-4-39.
10. Stahn, C. Confronting colonial amnesia. *Journal of International Criminal Justice*. 2020;18(4):793-824. DOI: 10.1093/jicj/mqaa052.

11. Varlamova, N. V. Memory politics in the EU: understanding the colonial past. *State and Law*. 2024;(10):193-205. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1026945224100178.
12. Hodgson, N. Resisting the state crimes of the global North. *Journal of International Criminal Justice*. 2024;22(1):151-68. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqae010>.
13. Evseev, A. Transitional justice in Colombia: unrealized potential. *International Justice*. 2020;(4):77-99. DOI: 10.21128/2226-2059-2020-4-77-99.
14. Herencia Carrasco, S. Implementation of war crimes in Latin America: an assessment of the impact of the Rome Statute of the International Criminal Court. *International Criminal Law Review*. 2010;(10):461-473. DOI: 10.1163/157181210X518929.
15. Opalich, E. *[Responsibility for international crimes under the legislation of Latin American countries]*. Moscow: Avthor; 2024. 263 p. (In Russ.) ISBN: 9785046078015.
16. Dobronravin, N. A., Dobronravina, S. N. Law and justice in the Caribbean Sea: the problem of maritime boundaries. *Latin America*. 2016;(4):68-82. (In Russ.)
17. Korobeev, A. I., Lobach, D. V. Crimes against peace and security of mankind in the criminal legislation of states in the post-Soviet space. *All-Russian Criminological Journal*. 2024. 18;(2):170-180. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).170-180.
18. Sayapin, S. Why a crimes against humanity convention from a perspective of post-Soviet states ? *African Journal of International Criminal Justice*. 2020;6(2):125-135. DOI: 10.5553/AJ/2352068X2020006002004.
19. Kamenetsky, Yu. F. The essence and significance of convicting dead Nazis for crimes without statute of limitations. *State and Law*. 2024;(3):176-184. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1026945224030176.
20. Zadoya, K. Criminalization of military crimes in national legal systems: evidence from Moldova as a lesson for Ukraine. *Evropsky politicky a pravni diskurz = [European Political and Legal Discourse]*. 2018;5(2):14-24. (In Ukr.)

Информация об авторе / Information about the author

Евсеев Александр Петрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Российской государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Alexander P. Evseev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor at the International Law Department, Russian State University of Jus-

tice named after V. M. Lebedev (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 30.12.2024; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 03.04.2025.

The article was submitted 30.12.2024; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 03.04.2025.